

U $\frac{18}{1979}$

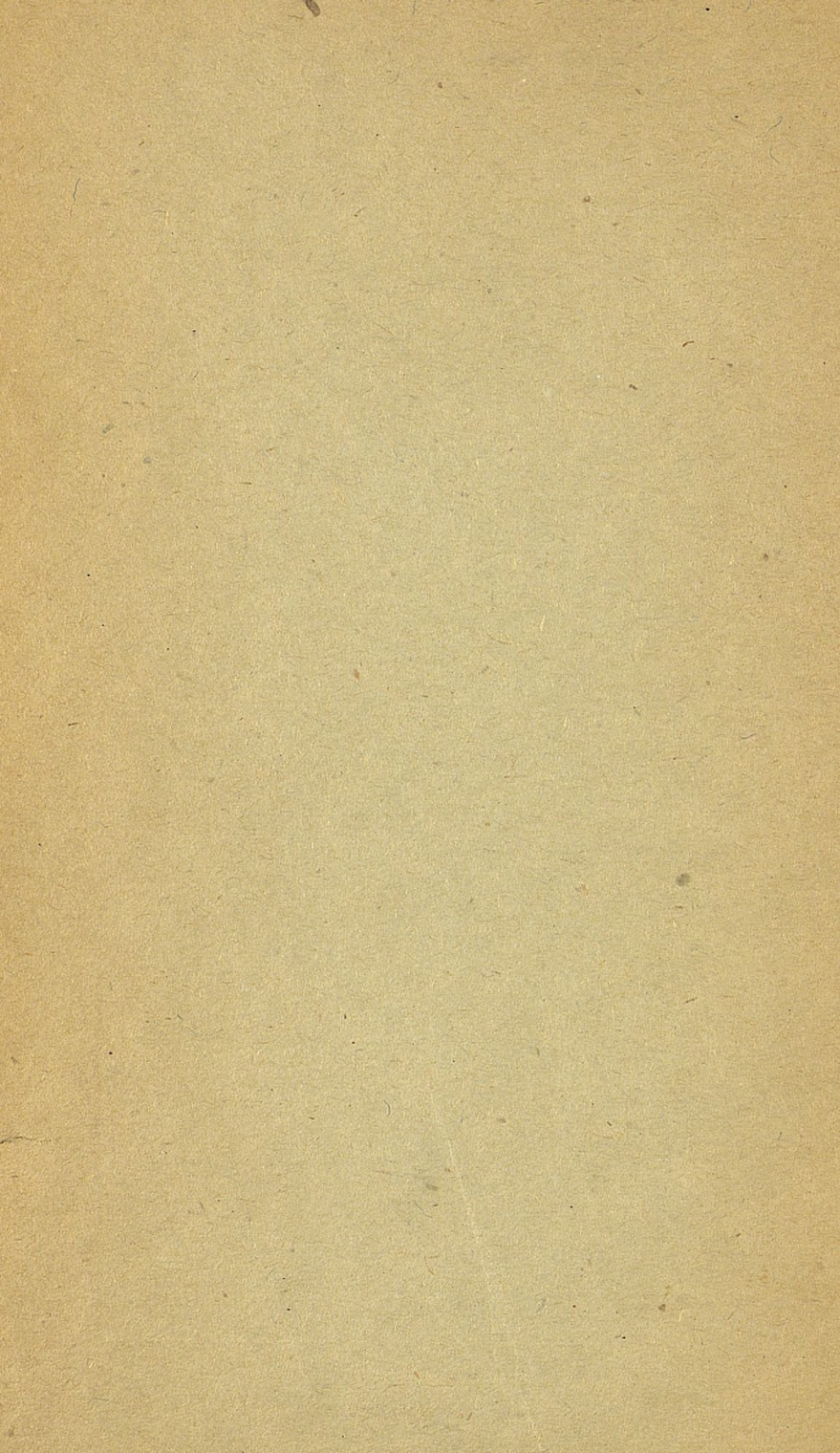

У 1979

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ

(Студентомъ Московскаго Университета.)

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Каткова и К^о.

1858.

2007084276

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Москва, 14-го марта 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Изъ «Русскаго Вѣстника» № 4-го, 1858 года.

И 18
1979

Лучшіе люди отходятъ отъ насъ. Лучшихъ людей хоронимъ мы преждевременно, когда общество такъ сильно въ нихъ нуждалось и нуждается. Не совершивъ полнаго круга своей жизни, они лишены драгоцѣннѣйшей награды, на какую только можетъ рассчитывать благородная дѣятельность, видѣть успѣхи времени, въ пользу которыхъ они трудились такъ честно и мужественно, этими успѣхами оправдывать свою вѣру въ исторію, вѣру не разъ колебавшуюся въ груди преданнѣйшихъ слугителей мысли.

Давно высказанное убѣжденіе, что какая-то роковая сила тяготѣетъ надъ талантами нашей отчизны, подтвердилась снова самымъ печальнымъ событіемъ. Многія вершины русскаго поэтическаго міра поражены ею прежде, чѣмъ онѣ успѣли развернуться во всей красотѣ своего дарованія. Потомъ обратила она свои удары на вершины умственные и нравственные. Жертвами ея сдѣлались люди, въ которыхъ просвѣщеніе достигло самаго изящнаго вида, образцы и наставники его общественной важности, его нравственной силы. Не прошло трехъ лѣтъ какъ умеръ Грановскій. Теперь послѣдовалъ за нимъ Кудрявцевъ, преемникъ его въ университетѣ по праву и факту, такъ искренно скорбѣвшій надъ могилою своего предшественника.

Смерть П. Н. Кудрявцева—двойное горе, общественное и частное. Общество утратило въ немъ полезнѣйшаго члена; родные,

друзья, знакомые потеряли съ нимъ все, что только можетъ быть привлекательнаго въ отношеніяхъ лица къ лицу. Дуновеніе смерти, погасивъ пламень благороднѣйшаго сердца, унесло съ собою обильную дань счастія, которую принимали отъ него другія сердца. «Человѣкъ онъ былъ!» вотъ первый вопль нашей скорби. И тѣ, кому уже поздно завязывать новыя дружескія связи, горестно должны сознаться, что имъ не нажить болѣе такого человѣка... Да простятъ мнѣ читатели, что я къ воспоминанію о покойномъ, близкомъ каждому, кто умѣлъ цѣнить нравственное изящество, такъ поспѣшно примѣшиваю мою собственную скорбь; имъ нѣтъ, конечно, нужды до того, какъ я любилъ покойнаго: это мое личное дѣло, бремя моихъ особенныхъ ощущеній; но если кто-нибудь изъ нихъ испыталъ на самомъ себѣ силу внутренней красоты человѣка, тотъ пойметъ невольное выраженіе сердечной боли, прямо отъ меня идущее, прямо ко мнѣ относящееся, выраженіе очень естественное при мысли о недавней утратѣ, въ виду свѣжей еще могилы.

Роковая игра судьбы самымъ чувствительнымъ образомъ разыгралась въ жизни П. Н. Кудрявцева, который наиболѣе достоинъ былъ ея пощады. Не въ смертномъ только ударѣ, но и во многихъ обстоятельствахъ его жизни она заявила свою слѣпую жестокость. Слова, сказанныя имъ нѣкогда объ одномъ, близкомъ ему человѣкѣ, разрѣшились надъ его собственною головой, какъ печальное предсказаніе: «Выпадаютъ иногда несчастія, которыя заставляютъ вспомнить о вопляхъ Эдипа, какъ есть нравы, между которыми какъ будто живетъ еще судьба древнихъ.» Этотъ эпиграфъ къ повѣсти: *Безъ разсвѣта*, написанной въ Берлинѣ 1846 года и напечатанной въ *Современникѣ*, могъ бы служить эпиграфомъ и къ повѣсти его жизни. Потеря близкихъ родныхъ, къ числу которыхъ принадлежала и героиня повѣсти, возмутительное разногласіе между дѣйствительностью и строгостью нравственныхъ началъ ложились на его душу кровавыми замѣтками. А потомъ, когда такъ желанно, хотя и неожиданно, устроилось его семейное счастье, ему наносится новый и послѣдній ударъ, онъ лишается безпредѣльно-любимой супруги. Потрясенный въ конецъ, онъ небольшимъ срокомъ переживаетъ свое несчастіе, это «безразсвѣтное» теченіе времени.

Я пишу не біографію, а воспоминанія. Отъ двадцатилѣтней, ничѣмъ не потемненной дружбы моей съ покойнымъ, осталось у меня въ памяти много драгоценныхъ матеріаловъ, которые берегу какъ одно изъ лучшихъ достояній сердца. Не могу и ду-

мать, чтобы когда-нибудь исчезло во мнѣ живое, яркое представление и наружнаго его образа, и внутренней его физиономіи. Все цѣло и невредимо, отъ простаго разговора до задушевныхъ бесѣдъ. Я познакомился съ нимъ на двадцать третьемъ году его возраста. Все, что было съ нимъ послѣ этого времени, знаю, можно сказать, какъ очевидецъ; предшествовавшій періодъ его жизни извѣстенъ мнѣ изъ разказовъ его родныхъ и знакомыхъ.

П. Н. Кудрявцевъ родился 1816 года, 4-го августа, въ Москвѣ. Если не ошибаюсь, онъ рано лишился матери. Отсутствие материнской заботливости, ничѣмъ незамѣняемой для перваго возраста, часто оказываетъ вредныя послѣдствія. Въ настоящемъ случаѣ ихъ не было. Благодатная природа Петра Николаевича сдѣлала изъ него и здѣсь рѣдкое исключеніе. Онъ нисколько не утратилъ душевной нѣжности, которая развертывается особенно подъ надзоромъ женщины. Въ отрочествѣ отличался онъ тихимъ нравомъ, скромностью, мягкою, женственною, если позволено такъ выразиться, пристойностью, которыя никогда не покидали его. Было въ этомъ отрокѣ что-то степенное и серьезное, не признакъ равнодушія, еще менѣе угрюмости, а та грація приличія, которая и въ дѣтствѣ, и въ другіе возрасты жизни, свидѣтельствуется о человѣкѣ избранномъ, не подходящемъ подъ мѣрку людей обыкновеннаго разряда. Въ родителѣ своемъ сирота нашелъ ту любовь, которая совмѣщаетъ въ себѣ и долгъ отца, и чувство матери. Любовь эта послужила основою трогательныхъ отношеній между отцомъ и сыномъ, о чемъ будемъ говорить въ послѣдствіи.

Первоначальное образованіе Петра Николаевича было неважно. Отъ товарищей его по ученію въ Московской духовной семинаріи, Сперанскаго (уже умершаго) и Я. С. Ф—го, я знаю, какъ онъ держалъ себя въ школѣ. Этотъ способъ держать себя вовсе не похожъ на тотъ, который мы видимъ обыкновенно въ сотняхъ, тысячахъ школьниковъ, иногда очень даровитыхъ. Важно не то, что Петръ Николаевичъ не могъ учиться дурно; важно то, что онъ не любилъ показывать ни учителямъ, ни товарищамъ, что онъ учится отлично. Дурныя привычки, грубыя шутки, непростительныя шалости, короче всѣ замашки, которыми такъ непріятно обнаруживается рѣзкая, деспотическая натура мальчика, для него какъ бы не существовали. Онъ не гонялся за похвалами и отличіями, которыми поощряется успѣхъ, но которыя въ то же время развиваютъ тщеславіе, зависть, корыстное соревнованіе, и изъ десятилѣтнихъ ребятъ готовятъ взрослыхъ членовъ общества, всегда

готовыхъ враждовать другъ съ другомъ. Онъ не былъ тѣмъ, что весьма опредѣлительно выражается словомъ «выскачка». Онъ отвѣчалъ, когда учитель спрашивалъ его, и не вызывался на отвѣты, съ намѣреніемъ выказать себя съ хорошей стороны, а товарищей съ дурной; но въ то же время и не сходилъ съ товарищами на такую дружбу, которая могла быть обидною его собственной личности или отъ которой долженъ былъ терпѣть преподаватель. Я имѣлъ въ рукахъ его дѣтскія сочиненія, первые опыты его пера, написанные еще нетвердымъ почеркомъ: по нимъ уже можно было судить, что въ мальчикѣ авторъ зараждался серьезный умъ наряду съ потребностью граціозной отдѣлки, и что оба эти качества сдѣлаются современемъ существенными условіями его взгляда на вещи и его изложенія.

Юношество Петра Николаевича, когда онъ, для дальнѣйшаго образованія поступилъ въ Московскій университетъ, представляетъ явленіе весьма замѣчательное. Съ первыхъ, такъ сказать, шаговъ въ этомъ возрастѣ онъ на всю жизнь запасается негодованіемъ противъ умственной косности и нравственной тѣсноты. Важный актъ духовнаго самоосвобожденія совершился въ немъ рано и навсегда. Онъ истекъ изъ крѣпкой любви къ правдѣ: ибо между всѣми неправдами, существующими на свѣтѣ, самая возмутительная состоитъ въ посягательствѣ на независимость мысли и нравственныхъ началъ. Такое посягательство всегда опасно, что бы ни служило ему орудіемъ, произволь ли чей-нибудь, или (что еще хуже) цѣлое воззрѣніе, облеченное въ плотную, неподвижную, замкнутую въ самой себѣ систему. Петръ Николаевичъ отрѣшился отъ подчиненія тому и другому; но тяжело отозвалась на немъ эта ранняя, хотя и благодѣтельная борьба, кончившаяся завоеваніемъ внутренней самобытности: она положила на него печать тайной грусти, которая никогда не затихла въ немъ совершенно, раскрываясь болѣзненно каждый разъ, когда въ большомъ или маломъ объемѣ повторялись явленія, испытанныя имъ на самомъ себѣ или знакомыя ему по другимъ примѣрамъ. Та стихія, въ которой онъ вращался не малое время и слѣды которой никогда не стираются съ иныхъ личностей, не оставила на немъ ни малѣйшаго знака. Ни внутренно, ни наружно не напоминалъ онъ ничѣмъ своихъ родовыхъ и сословныхъ особенностей, характера своей начальной жизни или начального образованія. Не только зная его, но даже просто смотря на него, нельзя было и подозрѣвать какой-либо связи между тѣмъ кругомъ, въ которой онъ вошелъ своею

волею, и тѣмъ, къ которому до того принадлежалъ. Представьте же себѣ, какъ сильны были въ такомъ юношѣ чувство истины, сознание человѣческаго достоинства, самостоятельность мысли и настойчивость воли, не рѣзкой, не блистательной въ своихъ дѣйствіяхъ, но разумной и постоянной. Удивительная стойкость убѣжденій соединялась въ немъ съ неменѣе удивительнымъ благодушіемъ. Болѣе полувѣка живу я на свѣтѣ, и ни въ комъ не видалъ такой примѣрной снисходительности, терпимости, гуманности. Въ Петрѣ Николаевичѣ, всегда умѣвшемъ охранять свою неприкосновенность, не было ни малѣйшаго упрямства или грубости, которымъ часто бываютъ подвержены люди, въ сущности прямые и честные, но въ то же время непріятные манерами своего поведенія. Они хотятъ выказать себя суровыми Катонами и отталкиваютъ ближнихъ моральнымъ педантизмомъ. Изячно-нравственная природа Петра Николаевича чуждалась подобнаго катонства. Не допуская никакихъ уступокъ тамъ, гдѣ дѣло касалось направленія, принциповъ, идей, онъ былъ образцомъ деликатности въ сферѣ личныхъ отношеній. Вслѣдствіе этого онъ пользовался горячею любовію тѣхъ, кто раздѣлялъ его воззрѣнія, равно какъ и непритворнымъ уваженіемъ тѣхъ, кто думалъ иначе. Ни тѣ ни другіе не находили ничего, что бы можно было сказать противъ его обращенія съ ними.

Знакомство мое съ П. Н. Кудрявцевымъ началось съ 1839 года, когда онъ былъ еще студентомъ. До того времени я зналъ его только какъ автора повѣстей: *Катерънка Пылаева* и *Флейта*, изъ которыхъ первая напечатана въ *Телескопѣ*, а вторая въ *Московскомъ Наблюдателѣ*. Подъ ними выставлены начальныя буквы псевдонима, выбраннаго авторомъ (*Нестроевъ*): А. Н. Собственной фамилии онъ не рѣшался подписывать по отношеніямъ къ университету и еще болѣе къ своему отцу, который могъ бы думать, что сынъ его отвлекается отъ лекцій посторонними работами. Этимъ драгоцѣннымъ знакомствомъ, обратившимся потомъ въ неизмѣнную дружбу, одолженъ я моему сотрудничеству въ литературныхъ прибавленіяхъ къ *Русскому Инвалиду* (съ 1836 г.) и *Отечественныхъ Запискахъ*, съ перваго года ихъ изданія (1839). Я доставлялъ въ оба журнала критическіе и библиографическіе отчеты о нѣкоторыхъ книгахъ, выходившихъ въ Москвѣ. Такъ какъ одному не возможно было слѣдить съ успѣхомъ за текущею литературой, то ко мнѣ присоединились М. Н. Катковъ, кончившій тогда курсъ въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ, и В. Г. Бѣлинскій, занимав-

шійся кромѣ того редакціею *Московского Наблюдателя*. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю это время общихъ нашихъ журнальныхъ работъ, время молодого, но добросовѣстнаго рвенія и горячей любви къ литературѣ. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и принесло много успѣховъ; но въ итогѣ ихъ находится, конечно, процентъ, собранный и съ нашихъ посильныхъ работъ.

Въ 1839 Бѣлинскій переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Въ замѣну себя рекомендовалъ онъ П. Н. Кудрявцева. Лучшей рекомендаціи онъ и не могъ бы сдѣлать: этотъ выборъ свидѣлствуетъ объ его умѣньѣ оцѣнивать людей. Мнѣ было любопытно встрѣтиться съ Нестроевымъ, знакомымъ мнѣ дотолѣ, какъ я замѣтилъ выше, по своимъ повѣстямъ. Впечатлѣніе первой съ нимъ встрѣчи сохраняется во мнѣ живо и теперь. Я увидѣлъ передъ собою красиваго студента; но особенность его красоты заключалась въ серьезной мысли, обогнавшей возрастъ, и въ цѣломудриіи чувствъ, отставшемъ отъ возраста. То былъ видимый обликъ внутренняго изящества, чистое выраженіе благороднаго духа, мыслящаго и цѣломудреннаго. И цѣлою жизнію своею Кудрявцевъ оправдывалъ давно извѣстное, хотя и заподозрѣнное изреченіе, что лицо есть зеркало души. Знаніе дѣла, разнообразіе талантовъ, удивительная добросовѣстность, которая могла равняться только удивительной скромности, поселили во мнѣ, съ перваго же раза, и любовь и уваженіе къ моему товарищу. Взявъ на себя обязанность, повидимому маловажную, по крайней мѣрѣ не офиціальную и неотвѣтственную, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на долгъ. Чувство долга коренилось въ немъ глубоко. Можно было сказать, что оно родилось вмѣстѣ съ нимъ или сдѣлалось второю его натурою. Онъ успокоивался при исполненіи дѣла только внутреннимъ самодовольствіемъ, только вѣрностію отчета своей собственной совѣсти. Какая бы книжка или книжонка ни подлежала его сужденію, онъ непременно читалъ ее, или вовсе не брался за сужденіе. Ему принадлежатъ многія критическія статьи и рецензіи въ поименованныхъ журналахъ. Для многихъ авторъ оставался неизвѣстнымъ: они хвалили напечатанное, адресуя свою похвалу не тому, кому бы слѣдовало. Отсюда выходили забавныя недоумѣнія, заставлявшія меня и Кудрявцева нерѣдко смѣяться. Источникъ недоумѣній заключался въ условіи, наложенномъ редакціею *Отечественныхъ Записокъ* на сотрудниковъ, не подписывать своихъ именъ подъ статьями въ отдѣлѣ критики и библіографіи.

Въ 1841 г. М. Н. Катковъ отправился, для довершенія своего образованія, за границу. Мы остались съ Петромъ Николаевичемъ вдвоемъ. Не мѣсто здѣсь исчислять всѣ критическіе и библиографическіе отчеты, написанные Петромъ Николаевичемъ, хотя они всѣ извѣстны мнѣ, какъ крупныя, такъ и мелкіе. Для примѣра укажу только слѣдующіе: *Учебной Книжъ Русской Словесности*, Греча (первая статья), о спорѣ между Голохвастовымъ и его противникомъ по поводу сочиненія Голохвастова: *Объ осаду Троицкой Лавры*, о сочиненіяхъ Языкова, Полонскаго, Фета (*Отечеств. Зап.*), характеристика Мерзлякова (въ *Литер. Газетѣ*). Отличительныя признаки ихъ — вѣрность приговора и художественная обработка, не допускавшая ничего грубаго, рѣзкаго, неровнаго, всегда сохранявшая разумную мѣру и просвѣщенное приличіе. Въ этихъ качествахъ обнаруживался тоже рѣдкій талантъ, талантъ благоразумія и граціи, запрещающій прибѣгать къ насмѣшкѣ и ѣдкости, обыкновеннымъ орудіямъ многихъ критиковъ. Но тотъ ошибся бы значительно, кто приписалъ бы наружную безобидность отзывамъ Кудрявцева неспособности его обличить невѣжество и пошлость. Равнымъ образомъ смѣшно было бы сердиться на ихъ внутреннюю обидность: подсудимый выказалъ бы тѣмъ, что онъ сердится на правду, и слѣдовательно признается въ томъ, что онъ не правъ.

Кромѣ того въ *Отечественныхъ Запискахъ* и *Современникѣ* напечатано нѣсколько повѣстей Кудрявцева: *Цѣптокъ*, *Недомушніе*, *Живая картина*, *Послѣдній визитъ*, *Ошибка*, *Сбоевъ*, *Безъ разсвѣта*. Каково бы ни было ихъ достоинство теперь, въ свое время онѣ обратили на себя вниманіе наблюдательностію, умѣніемъ подмѣтить тонкія психическія черты и тѣмъ особымъ колоритомъ, который, какъ отраженіе субъективности автора, оцѣчивалъ ихъ пріятно-таинственнымъ цвѣтомъ. Едва ли нравились онѣ большинству публики, но люди съ поэтическимъ чувствомъ и тактомъ дѣйствительности отдавали имъ предпочтеніе передъ многими тогдашними повѣстями, которыя поддерживали любопытство однимъ интересомъ сказки, нисколько не умѣя интересоватъ читателей развитіемъ внутренняго міра, жизни духа, естественнымъ ходомъ страстей. Впечатлѣніе, ими производимое, справедливо уподобить впечатлѣнію той женской красоты, которая не поражаетъ съ перваго взгляда, но которая тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ больше въ нее всматриваешься. Такъ въ повѣсти *Флейта* искусно раскрыты зарожденіе и постепенный ростъ начальной, отроческой любви, первыя движенія этого чув-

ства, неопредѣленное, смутное состояніе сердца, не сознаваемое тѣмъ, кто его испытываетъ. Кромѣ таинственнаго полусвѣта, въ разказахъ Кудрявцева легко различить еще другой, меланхолическій оттѣнокъ. Чувство меланхолии всегда въ немъ крылось. Съ лѣтами развилось оно значительно, положивъ свой отпечатокъ и на его лицо.

Не одно журнальное сотрудничество сблизило меня съ Петромъ Николаевичемъ: къ нему вскорѣ присоединилось сотрудничество учебное. Опредѣленный, въ 1840 году, помощникомъ инспектора классовъ въ московскихъ институтахъ: Екатерининскомъ и Александровскомъ, я принужденъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ уроковъ русской словесности въ институтѣ оберъ-офицерскихъ сиротъ Московскаго воспитательнаго дома. А. О. Армфельдъ, инспекторъ классовъ этого института, передалъ ихъ, по моей рекомендаціи, Петру Николаевичу. Нужно ли говорить, что и новая обязанность выполнялась имъ съ такимъ же достоинствомъ, какъ обязанность журнальнаго критика? Ему не повредила даже неопытность, сбивающая иногда съ толку людей знающихъ: она восполнилась у него яснымъ пониманіемъ дѣла, способностію быстро осмотрѣться въ кругу новыхъ занятій и быстро къ нимъ привыкнуть. Фраза, что служба Петра Николаевича принесла большую пользу, была бы слишкомъ общимъ мѣстомъ; а я хочу сказать вовсе не общее. Я хочу отмѣтить въ его преподаваніи, вопервыхъ, нравственное вліяніе его личности на воспитанницъ. При всей ихъ неопытности, онѣ умѣютъ полагать различіе между молодыми людьми, изъ которыхъ одинъ возбуждаетъ простую игру чувствъ и служить для нихъ какъ бы пробкою ихъ сердца, тогда какъ другой ни себѣ не допускаетъ мысли о такомъ пустомъ успѣхѣ, ни имъ не старается внушить такого же покушенія. Вовторыхъ, не могу умолчать о значительной пользѣ, принесенной имъ преподаванію русской словесности. Преподаваніе это, до поступленія А. О. Армфельда въ инспекторы классовъ, было схоластическое, страдало отсутствіемъ всякой живой связи между теоріею и образцами. Да и самая теорія ограничивалась такъ-называемыми правилами реторики, рецептами для разныхъ родовъ сочиненій. При содѣйствіи инспектора, которому учебная часть института одолжена полнымъ своимъ преобразованиемъ, и который умѣлъ выбирать хорошихъ учителей, уроки русской словесности приняли также нормальное направленіе. Мы съ Петромъ Николаевичемъ устроили особый классъ чтенія, которое воспитанницы считали луч-

шею для себя наградою, лучшимъ своимъ урокомъ. Такимъ образомъ познакомили мы ихъ съ образцовыми произведеніями нашей литературы, извѣстными имъ до того времени по однимъ названіямъ, да по именамъ авторовъ. Онѣ узнали наконецъ Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Это развило ихъ вкусъ, научило судить о достоинствахъ поэтическихъ твореній. Кудрявцевъ въ этомъ отношеніи былъ вдвойнѣ имъ полезенъ: онъ имѣлъ ясныя эстетическія понятія и сверхъ того самъ обладалъ художественнымъ даромъ. Какъ теоретикъ и какъ практикъ, онъ обладалъ двойнымъ правомъ высказывать сужденія и внушать довѣренность къ своимъ сужденіямъ.

Я преподавалъ въ высшихъ классахъ, Петръ Николаевичъ въ низшихъ, такъ что воспитанницы, начавшія съ нимъ уроки русской словесности, доканчивали ихъ со мною. Чтобъ избѣжать разлада, сопряженнаго всегда съ переходомъ ученицъ отъ одного преподавателя къ другому, мы условились съ Петромъ Николаевичемъ поочередно мѣняться мѣстами и вести каждому свой курсъ отъ перваго класса до послѣдняго. Распоряженіе это устроилось не офиціальнымъ путемъ, а домашнимъ образомъ. Не было никакой надобности прибѣгать къ формальностямъ въ томъ случаѣ, гдѣ слово—законъ. Еслибы каждый человекъ могъ положиться на себя такъ же вѣрно, какъ всѣ, знавшіе Кудрявцева, полагались на него, исчезли бы всѣ принудительныя и поощрительныя мѣры, упразднили бы всѣ письменныя огражденія и формальныя основы дѣйствій, замѣнившись одною нравственною основой, безусловно прочною и въ высшемъ смыслѣ законною. Повинуясь такому закону, Петръ Николаевичъ отличался неукоризненною добросовѣстностію преподавателя: онъ манкировалъ только по крайней необходимости, тогда какъ другіе только по необходимости были акуратны. Мы называли его юнымъ классикомъ за строгое соблюденіе положенныхъ правилъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ старыхъ учителей отличались романтической небрежностію. Я не безъ причины останавливаюсь такъ долго на службѣ Петра Николаевича въ Институтѣ оберъ-офицерскихъ сиротъ: одной изъ воспитанницъ этого института (Варварѣ Арсеньевнѣ Нелидовой) суждено было соединить свою судьбу съ судьбою нашего друга и своею преждевременною смертію ускорить и его смерть.

Коснувшись того, какъ Петръ Николаевичъ держалъ себя съ воспитанницами, мы кстати скажемъ и объ его отношеніяхъ къ женщинамъ вообще. Умалчивать объ этихъ отношеніяхъ не слѣ-

дуетъ, потому что они по своей характеристичности, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ связей, къ которымъ насъ приучали съ дѣтства, и которыя узаконились въ обществѣ, несмотря на малую свою законность. Я бы назвалъ эти чистыя, цѣломудренныя отношенія «образовательными»: отъ нихъ всегда выигрывала женщина въ настроеніи своихъ мыслей и чувствъ. По моему убѣжденію, они могли не только возвысить женщину хорошо поставленную, но и воздвигнуть женщину дурную, если только она своею испорченностію не заградила себѣ дороги къ улучшеніямъ. Петръ Николаевичъ приносилъ съ собою рѣдкій даръ—умственное и нравственное облагороженіе. Разумѣется, за это награждали его благодарностію и сердечною привязанностію. Но та и другая были до того законны, что за нихъ не смѣлъ сердиться ни мужъ, ни любовникъ. Ревности не имѣли права возбуждать они по самой чистотѣ своей: ревность въ этомъ случаѣ была бы смѣшна, не справедлива. Какъ подтвержденіе нашему мнѣнію, весьма любопытна переписка Петра Николаевича съ нѣкоторыми женщинами: она раскрываетъ изящную дѣвственность молодаго человѣка, всегда благороднаго и степеннаго. Многіе называли такое обращеніе «романтизмомъ», «идеальностію»: мы согласны допустить первое слово, какъ прямую противоположность чувственности, и вполне допускаемъ второе, потому что Петръ Николаевичъ дѣйствительно имѣлъ значеніе примѣра, образца между мужчинами.

Какъ и слѣдовало ожидать, Петръ Николаевичъ всегда стоялъ на сторонѣ существъ, плохо огражденныхъ отъ произвола и силы. Кто хочетъ узнать его понятія объ этомъ предметѣ, пусть тотъ прочтетъ, повѣсти *Безъ Разсвѣта* и *Послѣдній Визитъ*: послѣдняя посвящена одной дамѣ, съ которою авторъ находился въ постоянной дружбѣ. Прибавимъ къ тому, что одинъ изъ мужскихъ характеровъ, изображенныхъ въ *Послѣднемъ Визитѣ*, послужилъ какъ бы прототипомъ для такого же характера въ стихотворномъ разказѣ А. Н. Майкова: *Дѣв Судьбы*.

Характеръ отношеній, о которыхъ мы говоримъ, еще виднѣе обнаружился въ семейной жизни Петра Николаевича. Многіе мужья смотрятъ на себя не иначе, какъ на воспитателей своихъ женъ; многіе вовсе отказываются отъ такого воспитанія, считая безполезнымъ или невозможнымъ уравненіе супружескихъ правъ. Они живутъ съ своими женами въ разныхъ сферахъ, на разныхъ, такъ сказать, нравственныхъ половинахъ, и нерѣдко живутъ счастливо. Но если важно чувство счастія, то еще важнѣе

достоинство счастливаго чувства. Какъ бы ни думалъ объ этомъ предметѣ Петръ Николаевичъ, но въ его семейной жизни водворилось именно достоинство счастья. Она осуществила собою такъ-называемую эманципацію женщины самымъ разумнымъ и трогательнымъ образомъ. Какъ сдѣлалась такая постановка супружескихъ связей, неизвѣстно; знаю только, что Петръ Николаевичъ не старался о ней, что здѣсь не было ни полезной иногда хитрости, ни расчетливаго лицемѣрія. Онъ не устранялъ жены отъ своихъ занятій, но и не навязывалъ ей своего образа мыслей; онъ не обнаруживалъ передъ ней превосходства мужины ни равнодушіемъ къ сферѣ женской жизни, ни даже шуткой надъ значеніемъ женщины. Простирая далеко свое уваженіе къ свободѣ человѣка, онъ негодовалъ на всякое деспотическое посягательство, отъ кого бы оно ни направлялось. Я очень помню, какъ однажды у гр. Е. В. С.—ъ зашла рѣчь о романѣ Жоржъ-Санда *Жакъ*; Петръ Николаевичъ горячо поддерживалъ свое мнѣніе о несправедливости, даже беззаконности всякаго надзора, явнаго или тайнаго, надъ любимѣйшимъ, самымъ близкимъ къ намъ существомъ—женою. Положимъ, что такое мнѣніе (разумѣя подъ надзоромъ воспитаніе) слишкомъ исключительно; но за то изъ какого прекраснаго источника происходитъ эта исключительность!

Въ любви къ отцу своему, Петръ Николаевичъ совмѣщалъ два чувства: любовь сына, дѣло самое обыкновенное, и сыновнюю дружбу, что не совсѣмъ обыкновенно. Подъ этою дружбой, я разумѣю деликатность отношеній, совѣстливость въ своихъ правахъ. Петръ Николаевичъ не видѣлъ никакой разумной причины лишать отца того, что считалъ своею обязанностію къ другимъ, не роднымъ. Кровный союзъ существовалъ для него не какъ привилегія на безцеремонныя требованія и обращеніе, и вмѣстѣ не какъ долгъ на тупое подчиненіе патриархальной власти. Конечно, много значила здѣсь естественная гуманность отца, но гораздо болѣе значила просвѣщенная гуманность сына, надзирающая за качествомъ своихъ проявленій. Отецъ Петра Николаевича показывалъ мнѣ нѣкоторыя письма къ нему П. Н.—а изъ-за границы: какая трогательная прелесть любви деликатной, думающей о томъ, чтобы порадовать отца, чтобы ничѣмъ не возмутить его какъ человѣка извѣстныхъ лѣтъ, извѣстнаго характера, извѣстныхъ привычекъ, извѣстнаго сословія! И все это безъ малѣйшей лести, безъ малѣйшаго желанія зарекомендовать себя съ хорошей стороны.

Родныя сестры и кузина Петра Николаевича, говоря безъ преувеличенія, обожали его. Причина тому, какъ намъ уже извѣстно, гуманность родственнаго обращенія, которымъ женщины еще менѣе избалованы у насъ, чѣмъ мужчины. По своему общественному положенію, онѣ (я разумѣю сестеръ Петра Николаевича) не только въ семейномъ кругу, но и во всѣхъ прочихъ кругахъ своихъ, встрѣчали скорѣе примѣры стѣснительнаго вмѣшательства и обиднаго ярма. Какъ женщины, они могли только тайно протестовать противъ неуваженія личности, и въ то же время видѣли въ своемъ братѣ гласный протестъ и направленіемъ мыслей и образомъ жизни. Между ними и имъ завязалось новое сочувствіе, которое выше родства. Имъ, безотвѣтнымъ во многомъ, отвѣчающимъ за многое, утѣшительно было встрѣтить въ братѣ покровительство ихъ естественной и общественной слабости. Кромѣ того кузина Петра Николаевича одолжена была ему своимъ умственнымъ развитіемъ, любовью къ чтенію и музыкѣ. Смерть ея глубоко огорчила его. Ея-то незавидную судьбу и свою скорбь представилъ онъ въ повѣсти: *Безъ Разсвѣта*. Въ послѣдствіи лишился онъ младшей сестры своей, похожей на него лицомъ и нравомъ. Старшая сестра, съ мужемъ которой онъ былъ друженъ, не только горячо любила его, но и засвидѣтельствовала свою любовь всею заботливостію, на какую только способны самоотверженіе христіянки, нѣжность женщины и любовь къ брату, когда онъ, возвратившись изъ второй поѣздки за границу, пріютился у ней въ своемъ одиночествѣ, на печальное и недолгое новоселье.

Преподаваніе русской словесности и журнальная работа не отвлекали Петра Николаевича отъ главнаго предмета его занятій, отъ приготовленія къ магистерскому экзамену, который онъ и выдержалъ съ совершеннымъ успѣхомъ. До отъѣзда за границу, онъ написалъ и диссертацию на степень магистра, кажется «объ отношеніяхъ папства къ императорской власти». По нѣкоторымъ причинамъ, не зависѣвшимъ отъ автора, она не могла быть напечатана; но многія части ея вошли потомъ въ обширное историческое его сочиненіе: *Судьбы Италіи* (1851), блистательно защищенное на публичномъ диспутѣ.

Въ 1845 году (1) П. Н. Кудрявцевъ отправился для усовершенствованія въ наукахъ, за границу, гдѣ и пробылъ до поло-

(1) Въ Биографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета ошибкою поставленъ 1843 г. *Прим. авт.*

вины 1847 г. Поѣздка эта устроилась особенно содѣйствіемъ Т. Н. Грановскаго, какъ бы предвидѣвшаго въ немъ будущаго себѣ преемника: онъ рекомендовалъ Петра Николаевича графу С. Г. Строгонову, которому Московскій университетъ одолженъ такъ много достойнымъ замѣщеніемъ своихъ каедръ, и который всегда оказывалъ просвѣщенный почетъ благороднѣйшимъ служителямъ науки, какъ при жизни ихъ, такъ и по смерти. Я живо помню эти родственные и дружественные проводы Петра Николаевича, первую нашу съ нимъ разлуку. Не мало было пролито слезъ на прощаньѣ, но то были не тяжелыя слезы, безъ всякихъ темныхъ предчувствій, съ надеждой на радостное свиданіе. Гораздо больше толпилось людей при отправленіи его во второе путешествіе, шумнѣе былъ говоръ и многочисленнѣе объятія; но за то какимъ неблагополучнымъ и печальнымъ оказался возвратъ!.. Во все время, прожитое П. Н. Кудрявцевымъ за границей, мы вели съ нимъ постоянную переписку: онъ, описывая мнѣ все, что находилъ любопытнаго въ Европѣ, я, извѣщая его о родныхъ, друзьяхъ и другихъ предметахъ, покинутыхъ имъ на родинѣ. Четыре города обратили на себя особое вниманіе нашего путешественника: Берлинъ, Гейдельбергъ, Дрезденъ и Парижъ, первые два по своимъ университетамъ, въ которыхъ онъ нѣсколько семестровъ слушалъ лекціи, третій по художественной галлерей, четвертый по важности общественнаго, равно какъ и учено-литературнаго движенія. Изъ профессоровъ Берлинскаго университета, наибольшее произвелъ на него впечатлѣніе Шеллингъ своими лекціями положительной философіи. Желая подѣлиться со мною своимъ умственнымъ наслажденіемъ, онъ высылалъ мнѣ перечень Шеллинговыхъ лекцій, нѣчто въ родѣ конспекта. Въ Гейдельбергѣ, кромѣ университета, Петръ Николаевичъ нашелъ другой источникъ восхищенія, живописное мѣстоположеніе, удивительную роскошь зелени. Неизмѣнный поклонникъ природы, онъ любовался ею вездѣ, гдѣ она даетъ человѣку приволье и тепло. Зиму выносилъ онъ съ усиліями, и потому въ нашей сѣверной, суровой сторонѣ развеселялся онъ только краткимъ лѣтомъ: въ это время года онъ отдыхалъ и тѣломъ и душою отъ семимѣсячнаго затворничества, которое спасаетъ насъ отъ метелей и морозовъ. Дрезденскую галлерей посѣщалъ онъ почти ежедневно, изучая произведенія скульптуры и живописи, и любя заступать мѣсто чичероне для своихъ земляковъ, съ которыми дѣлился и знаніями, и впечатлѣніями эстетическими. Долгимъ обращеніемъ въ кругу искусствъ онъ приобрѣлъ отличный

навыкъ распознавать красоты художественныхъ твореній. Плодомъ такого навыка было нѣсколько этюдовъ о первоклассныхъ статуяхъ (напеч. въ *Отечественныхъ Запискахъ*). Въ Парижѣ, Петръ Николаевичъ, между прочимъ, слѣдилъ за преніями въ англійскомъ парламентѣ о свободной торговлѣ. «Читали ль вы, любезный другъ (писалъ онъ мнѣ), рѣчь Роберта Пиля, развившаго предложенную имъ реформу? Она производитъ величавое впечатлѣніе. Какъ ничтожны передъ нею *дискуры* французскихъ ораторовъ, которые дерутся на словахъ, точно задорные пѣтухи!»

Замѣчательно, что послѣднія ко мнѣ письма Петра Николаевича, не задолго до возвращенія его изъ-за границы, приняли какой-то печальный тонъ; они сдѣлались, если смѣю такъ выразиться, апатичнѣе. Настоящей причины этому и теперь опредѣлить не могу. Самъ онъ не любилъ раскрывать себя даже передъ близкими друзьями, и своею сосредоточенностію, какъ бы таинственностію ускользалъ отъ анализа постороннихъ. Уловить его задушевные чувства было не легко: онъ не поддавался наблюденіямъ, еще менѣе позволялъ производить надъ собою опыты. Боялся ли онъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія, отвычки отъ мѣстъ и лицъ, думалъ ли въ другихъ найти значительную перемену; или просто ему казался дикимъ быстрый переходъ изъ однихъ странъ въ другую, Богъ вѣсть. Это неопредѣленно-равнодушное состояніе духа оживилось въ Берлинѣ, на возвратномъ пути въ Россію, благодаря встрѣчѣ съ одною женщиною, о которой Петръ Николаевичъ писалъ мнѣ съ жаромъ и увлеченіемъ. Признаюсь, меня удивило нѣсколько это необычно горячее выраженіе чувства, всегда въ немъ глубокаго, но никогда почти не виднаго. Объясненія, данныя имъ по этому поводу при свиданіи, не могли назваться удовлетворительными. Но какъ бы ни было, а эта встрѣча послужила поводомъ къ новой повѣсти, отправленной, 1848 или 1849 г., въ редакцію *Отечественныхъ Записокъ*. Она не явилась въ печати, по разнымъ причинамъ. Можетъ быть, рукопись ея отыщется между бумагами покойнаго. Равнымъ образомъ осталась неконченною и повѣсть Сбоевъ, первая часть которой, написанная въ Парижѣ и посвященная А. А. Я—ой, напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Вскорѣ потомъ Петръ Николаевичъ отказался отъ бельетристики. Ему было не до повѣстей: онъ имѣлъ занятія болѣе серьезныя, назначенный по возвращеніи изъ-за границы, 1847 г., преподавателемъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ.

До поѣздки за границу Петръ Николаевичъ зналъ, хотя не въ равной степени, языки греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій. За границей выучился онъ италіянскому, который былъ ему нуженъ для чтенія въ подлинникъ поэтовъ и сочиненій историческихъ, написанныхъ самими Италіянами. Судьбы Италіи постоянно занимали его вниманіе. Онъ питалъ къ ней какую-то особую любовь, своего рода благородное пристрастіе. Ея исторіи, отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ, посвящаетъ онъ первое свое сочиненіе. Въ «письмахъ изъ Флоренціи» (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г.) знакомитъ онъ читателей съ настоящимъ и прошедшимъ этого города. Въ *Русскомъ же Вѣстникѣ* напечатаны многія другія статьи, разсуждающія о состояніи страны, нѣкогда процвѣтавшей: «О мюратизмъ въ Италіи», «Что думаетъ и гадаетъ Италія о своемъ будущемъ?», «Юность Катерины Медичи». Кромѣ того написалъ онъ нѣсколько статей къ сожалѣнію не конченныхъ, о Дантѣ и его вѣкъ (*Отечеств. Зап.*). Онъ даже намѣревался, несмотря на свою печаль и болѣзненное положеніе, открыть для желающихъ особый курсъ исторіи Италіи. Короче, италіянскій вопросъ сдѣлался его любимой темой, и «всецѣлое возрожденіе Италіи» — твердымъ убѣжденіемъ. Ошибался ли онъ или нѣтъ въ своемъ убѣжденіи — это до насъ не касается; но самая любовь къ италіянской независимости свидѣтельствуетъ ясно въ пользу благородства духа и просвѣщеннаго взгляда на историческія судьбы. Она проистекала изъ того же источника, изъ какого выходило вообще заступничество слабыхъ, покровительство обиженнымъ. Въ жизни народа, равно какъ и въ жизни человѣка, сердце его билось сочувствіемъ къ притѣсненнымъ, негодованіемъ на притѣснителей. Если возмущало его самоуправство съ личностію человѣка, то какъ могло не возмутить его самоуправство съ личностію народа — національностью? Успѣхъ не былъ для него оправданіемъ потому только, что онъ успѣхъ; равно какъ неудача не была для него преступленіемъ потому только, что она неудача. Онъ считалъ долгомъ человѣчества воздвигать и падшихъ людей и падшіе народы. На это воздвиженіе смотрѣлъ онъ, какъ на реставрацію исторической правды. Новрагъ всякихъ насильственныхъ распоряженій и непрошеннаго вмѣшательства, онъ хотѣлъ бы предоставить самому народу совершеніе собственнаго устройства. Италія, по его мысли, могла быть способною на это при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и

потому онъ стоялъ на сторонѣ того мнѣнія, по которому *Italia farà da se* (управится сама собою).

Чтобы покончить съ первымъ путешествіемъ Петра Николаевича, мы обязаны упомянуть объ одномъ обстоятельстве, относящемся къ этому же періоду его жизни. Въ началѣ статьи нашей сказано, что семейное счастье Петра Николаевича устроилось желанно, хотя и «неожиданно». Последнее выраженіе можетъ показаться загадочнымъ: надобно объяснить его.

Дѣло было дѣйствительно такъ. Для Петра Николаевича дѣйствія человѣческія тогда только имѣли значеніе хорошихъ, когда они вытекали изъ побужденій внутреннихъ — изъ основъ разума, долга, чувства. Онъ требовалъ разсчета, не того конечно, которымъ руководствуются люди смѣтливые, умѣющіе мастерски обдѣлывать свои дѣла и сводить ихъ къ благополучному концу, а разсчета мыслящаго, оправдываемаго началомъ и согласнаго съ цѣлымъ настроеніемъ нравственно-опредѣленнаго существованія. Какъ профессоръ, онъ развитіе историческихъ судебъ объяснялъ разумными причинами: то же воззрѣніе перенесъ онъ и на исторію личную — на жизнь человѣка, взятаго отдѣльно. Къ неразумному и внѣшнему чувствовалъ онъ какъ бы инстинктивное отвращеніе. Случай представлялся ему всегда чѣмъ-то глупымъ и бессмысленнымъ, — паденіемъ кирпича, убивающимъ прохожаго. Если онъ и признавалъ возможность случайнаго счастья, то не довѣрялъ прочности, еще менѣе достоинству счастья, устроеннаго случаемъ. Счастіе, по его взгляду, долженствовало быть заслугой, а не находкой, — нравственнымъ приобрѣтеніемъ, а не жребіемъ брошеннымъ, Богъ вѣсть откуда и Богъ вѣсть кѣмъ. Понятно послѣ этого, что всего менѣе могъ быть уважаемъ имъ случай въ той связи, которая завязывается на всю жизнь и не развязывается безъ гибельныхъ потрясеній, — я разумѣю связь супружескую.

Первый, слабый узелъ этой связи завязался до поѣздки его за границу, и не столько его собственной волею, сколько желаніемъ другихъ.... Говорю объ этомъ фактѣ не только какъ другъ, но и какъ участникъ. То была простая игра чувствъ, затѣянная не Петромъ Николаевичемъ. Съ своей стороны онъ не давалъ ни существенной обязанности, ни формальнаго обязательства, которыя, разумѣется, имѣли бы для него силу закона. Ему не было надобности строить моста для отступленія, потому что онъ и не заходилъ далеко, то-есть неблагоразумно: нельзя же назвать неблагоразуміемъ портретъ его, врученный ученицѣ, по ея жела-

нію, на поминъ объ учителѣ, и стихотворенія Рюккерта, отданныя ей въ подарокъ уже по его желанію. Меня, впрочемъ, радовали подобныя, по-видимому не прочныя отношенія. Мнѣ сильно хотѣлось укрѣпить ихъ и построить на нихъ будущее счастье друга (послѣдствія оказали, что я не ошибся). Своими письмами поддерживалъ я такъ-называемую романическую завязку, хотя изъ писемъ Петра Николаевича и не видно было особеннаго его стремленія въ ту сторону, куда я велъ его. Наконецъ изъ Парижа, передъ возвращеніемъ его въ Россію, получаю отъ него письмо, смутившее меня слѣдующими строками: «Что касается до меня собственно, любезный другъ, то скажу вамъ откровенно, что я, долго возясь съ книгами въ разныхъ видахъ и переплетяхъ, и самъ сдѣлался сухъ и черствъ, какъ старинный переплетъ; не лзя ли вамъ довести объ этомъ до свѣдѣнія извѣстной вамъ особы?» Другое за тѣмъ письмо изъ Берлина рассказывало исторію знакомства, о которомъ я уже упоминалъ. Планъ мой пошатнулся, но совершенно уничтожиться было ему не суждено. Впрочемъ, и въ развязкѣ повторилось то же явленіе, какъ и въ начальномъ узлѣ. Она совершилась какъ бы безъ желанія и воли Петра Николаевича. Не онъ подвигалъ къ благополучному исходу отношенія, сначала такъ слабо завязанныя, потомъ какъ бы совсѣмъ оставленныя. Этому исходу много помогла постоянная, болѣе семи лѣтъ тянувшаяся привязанность дѣвушки: не могъ не цѣнить ея Петръ Николаевичъ. Характеромъ такихъ-то обстоятельствъ объясняются слова его въ нижеприведенномъ письмѣ ко мнѣ: «Я не искалъ его (*счастія*) усердно, не гонялся за нимъ — само пришло, будто подосланное къмѣ». По этому-то имѣлъ онъ право назвать свое семейное счастье «посланнымъ». Но это посланное счастье составило драгоценность его жизни; лишеніе его ускорило смерть нашего друга. Понятно, почему такъ осторожно или, лучше, такъ разумно поступалъ онъ въ этомъ случаѣ: чувствуя, какъ придется ему любить человѣка, съ которымъ онъ соединитъ судьбу свою нераздѣльно, онъ хотѣлъ оградить себя всѣми разумными и нравственными соображеніями, чтобы не пенять на себя при несчастіи, чтобъ усладиться самодовольствомъ при счастіи, чтобъ имѣть право сказать то, что онъ сказалъ въ томъ же письмѣ: «да, это было *счастье*».

По возвращеніи Петра Николаевича изъ-за границы, оказались въ немъ значительныя перемѣны: самую неважную изъ нихъ была возмужалость (ему минуло 30 лѣтъ), самую важную —

какая-то печаль и задумчивость. Причину этого объясняли различно: одни приписывали ее тѣлесному недугу, другіе чувству тайной, отъ всѣхъ скрываемой любви. Но я, хорошо понимавшій друга, не могъ допустить ни того, ни другаго толкованія. Причина, конечно, существовала, но иная, высшая, разумная. То была благородная тягота сердца, налагаемая на человѣка видимымъ разладомъ между текущею жизнію и началами жизни, то былъ сознательный недугъ европейски-просвѣщеннаго человѣка, который не ошибается въ цѣнности предметовъ и сравненіемъ опредѣляетъ внутреннее достоинство каждаго изъ нихъ, и малаго и большаго. «Подивитесь простотѣ здѣшняго обращенія (писалъ онъ изъ Берлина): сущность дѣла здѣсь главное, формальностей почти никакихъ. Взглянуть мелькомъ на ваши бумаги, за тѣмъ ректоръ пожметъ вамъ руку — и вы допущены къ слушанію лекцій». Въ другомъ письмѣ, говоря о Свѣтломъ праздникѣ, проведенномъ въ одномъ городѣ, онъ прибавляетъ: «не было мнѣ надобности ни въ мундирѣ, ни въ визитныхъ карточкахъ; ничѣмъ вы не обязаны наружно, и никто не насилуетъ вашего внутренняго чувства». Поэтому Петръ Николаевичъ любилъ разказывать о своемъ путешествіи, когда заходила о томъ рѣчь. Въ это время задумчивое лицо его оживлялось, и глаза, впалые и болѣзненные, свѣтили такимъ пріятнымъ голубымъ свѣтомъ, что не знаешь бывало, чтò лучше, слушать ли его разказы или любоваться разказникомъ.

Этотъ образъ благородной личности, болѣзненный и меланхолическій, остававшійся незабвеннымъ во внѣшнемъ и внутреннемъ чувствѣ того, кто сближался съ нею, — этотъ прекрасно-грустный образъ сохранился при ней навсегда. Чѣмъ дальше Петръ Николаевичъ шелъ по жизненному пути, тѣмъ крѣпче мужала его грусть, тѣмъ сильнѣе возвышалась ея красота. Не было возможности затихнуть душевной боли, потому что душа строже и строже стояла за нравственныя начала. Она требовала ихъ отъ жизни текущей; она искала ихъ въ жизни прошедшей. Если въ настоящемъ она замѣчала много неправеднаго, то и въ исторіи также видѣла частое господство неправды и медленное, тяжелое, шагъ за шагомъ совершаемое торжество правды. Представленіе этой борьбы омрачало правдивую душу преподавателя. Скорбная повѣсть о тѣхъ, которые жили прежде насъ и своими слезами и кровію удобряли для насъ историческое поприще, отзывалась скорбію въ его умѣ, лицѣ, взглядѣ, голосѣ. Особенно тяготили его событія исторіи текущей, на его глазахъ

и памяти совершающейся, которыя какъ бы обращали вспять успѣхи времени или повторяли отжившее, являя собою извѣстный историческій круговоротъ. Тогда онъ страдалъ вдвойнѣ: и какъ очевидецъ своего времени, и какъ мысленный современникъ эпохъ минувшихъ. Мудрено ли было, при такомъ состояніи, бояться за свою вѣру въ прогрессъ человѣчества? или, и не имѣя такой боязни, возможно ли было успокоиваться на той мысли, что впереди еще много времени, что время отчаянно-терпѣливо?

Петръ Николаевичъ могъ бы, конечно, повеселѣть, когда бы въ душѣ его было поменьше нравственной стойкости. Тогда бы, можетъ-быть, онъ нашелъ средство примирить какимъ-нибудь способомъ свои убѣжденія съ тѣмъ, что дѣлается вокругъ него. Развѣ мы не идимъ, въ самомъ дѣлѣ, что цѣлые легіоны людей живутъ спокойно и счастливо, запасшись похвальнымъ образомъ мыслей и не зная, куда дѣвать ихъ, или явно противорѣча имъ своими собственными поступками? Они горячо разсуждаютъ о чувствѣ человѣческаго достоинства и между тѣмъ непрерывно оскорбляютъ это чувство, начиная съ самихъ себя до своего привратника. Идеальныя стремленія и противо-идеальныя дѣйствія идутъ въ ихъ жизни рядомъ. Петръ Николаевичъ не походилъ на такихъ людей нисколько. И если для тѣхъ не было ничего священнаго, то у него священнаго было много. Однажды усвоивъ убѣжденіе, онъ не профанировалъ его ничѣмъ. Этимъ онъ давалъ примѣръ глубокаго уваженія къ началамъ, твердо закаленнаго направленія. Иные, при всемъ своемъ достоинствѣ, какъ бы играютъ съ тѣмъ, что внутренно признаютъ важнымъ и чему служатъ добросовѣстно. Нельзя, конечно, не цѣнить такого обращенія съ предметами, если только оно происходитъ изъ ироническаго настроенія, а не отъ легкомыслія. Иронія, какъ свободное пареніе духа надъ тѣмъ, чему онъ поклоняется, свидѣтельствуетъ также о могуществѣ нашей природы: ею не сокрушается величіе кумира, не заподозривается искренность приносимыхъ ему жертвъ. Однакожь тому, кто проникнуть идеею долга и чувствомъ деликатности, едва ли можетъ она нравиться. Сынъ, готовый на все изъ любви къ отцу и между тѣмъ не щадящій его для остраго слова, конечно не преступникъ; но каждый отдастъ предпочтеніе тому сыну, который, при равной силѣ любви, не дозволяетъ себѣ и невинной шутки надъ ея предметомъ. Въ нравственномъ существѣ, какимъ долженъ быть человѣкъ, уважаешь всего болѣе твердую преданность убѣжде-

ніямъ, проникновеніе души чувствомъ долга, которое поведенію нашему сообщаетъ прочность и ровность—своего рода героизмъ. Такъ, на примѣръ, уваженіе къ личности—если только это не пустыя слова—выражается признаніемъ человѣческаго достоинства и гуманнымъ обращеніемъ съ людьми, на какихъ бы ступеняхъ общественной лѣстницы они ни стояли. Въ какой мѣрѣ Петръ Николаевичъ былъ способенъ къ такому гуманизму, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, котораго я былъ свидѣтелемъ. Онъ, въ первый годъ своей супружеской жизни, проводилъ лѣто въ Останкинѣ, подмосковномъ имѣніи гр. Шереметева. Мы съ женой, оставшіеся въ Москвѣ, часто навѣщали его. Однажды, напившись у нихъ чаю на дачѣ, мы въ четверомъ отправились гулять. Отошедъ на небольшое разстояніе отъ дачи, Варвара Арсеньевна (супруга Петра Николаевича) вспомнила, что она забыла ключи отъ чайнаго ларчика и отъ комода, въ которомъ хранились разныя вещи и деньги. Испугавшись, потому что ей извѣстна уже была на опытъ нечестность прислуги, она проситъ Петра Николаевича вернуться назадъ и принести ключи. «Какъ же, мой другъ, это сдѣлать—отвѣчалъ онъ ей—вѣдь это совѣстно». Къ этимъ словамъ прибавлять больше нечего. Петръ Николаевичъ согласился бы скорѣе лишиться денегъ, чѣмъ оскорбить прислугу подозрѣніемъ, можетъ—быть еще не заслуженнымъ, и тѣмъ нанести обиду человѣческому достоинству.

По природѣ своей, съ самаго юношества, Петръ Николаевичъ былъ сосредоточенъ и замкнутъ въ себѣ самомъ. Все, занимавшее и интересовавшее его лично, оставалось въ глубинѣ его души, не обнаруживаясь виднымъ проявленіемъ. Такое свойство, конечно, ничѣмъ не походитъ на скрытность: оно означаетъ только, что Петръ Николаевичъ не видѣлъ надобности дѣлиться своимъ достояніемъ съ тѣми, кому нѣтъ до того дѣла. Онъ не любилъ навязчивости ни въ себѣ, ни въ другихъ; не легко сходилъ съ людьми на короткую ногу, но сойдясь однажды, никогда уже не расходился. Дружба, пріязнь, знакомство его были такъ же прочны, какъ его нравственные убѣжденія. Какъ Гете, на вопросъ о его религіозныхъ понятіяхъ, отвѣчалъ, что о Богѣ онъ бесѣдуетъ только съ Богомъ, такъ и Петръ Николаевичъ могъ бы сказать, что о предметахъ сердца онъ бесѣдуетъ только съ собственнымъ сердцемъ. Многіе, любопытство которыхъ не находило себѣ удовлетворенія, называли Петра Николаевича холоднымъ, необщительнымъ. Но кто же виноватъ, что они не понимали различія между истиннымъ чувствомъ,

скупымъ на слова, и легкою чувствительностію, щедрою на всякаго рода выраженія? Развѣ глубина можетъ быть мелкою, или сосредоточенность разсѣянностью? Кто смотритъ на движеніе чувствъ не какъ на дѣтскую игру, для кого бѣненіе сердца не простое качаніе маятника, всѣмъ видное и слышное, тотъ, конечно, не дозволитъ каждому, встрѣчному и поперечному, самовольно глядѣть въ душевные тайники, не дозволитъ и себѣ щеголять ихъ красотою или богатствомъ передъ цѣлыми сонмищами. Многіе ни съ того ни съ сего любятъ заглядывать въ чужіе углы, имъ нужно получить извѣстіе, узнать какую-нибудь новость, чтобы первымъ потомъ разказать ее или даже сдѣлать изъ нея сплетню. Они требуютъ гласности ради гласности — не больше. По этому и нравятся имъ такъ-называемые экспансивные субъекты, для которыхъ хорошо только то знакомство, которое обширно, и которые каждую случайную встрѣчу готовы окрестить именемъ дружбы. Мы вовсе не противъ экспансивныхъ субъектовъ, но каждому свое: пусть одинъ разливается по поверхности, если можетъ, и пусть другой нисходитъ въ глубину, если такова его доля. Я знаю, что для опредѣленія характеристики Кудрявцева нерѣдко сравнивали его съ Грановскимъ. Мнѣ кажется, сравненіе было неумѣстно: это двѣ равно-прекрасныя, но противоположныя натуры. Разумѣется, противоположность обнаруживалась въ чертахъ ихъ характеровъ, а не въ образѣ мыслей.

А эта изумительная скромность въ такомъ европейски-образованномъ, талантливомъ, нравственномъ человѣкѣ, какъ П. Н. Кудрявцевъ, развѣ не рѣдкое, не трогательное явленіе? Она могла бы обезоружить самую дерзкую злонамѣренность, притупить жало самой черной зависти. Петръ Николаевичъ не только не любилъ выказывать себя, но не любилъ, когда другіе выказывали его достоинства. Даже шутливо-дружескій тонъ похвалы, не всѣмъ ему нравился. Короче, въ его присутствіи нельзя было говорить о немъ. Будемъ же говорить о немъ безъ него: теперь никто намъ не помѣшаетъ. Никто не помѣшаетъ намъ сказать, что этотъ человѣкъ ничего не взялъ себѣ случайно, и всѣмъ обязанъ самому себѣ. Онъ самъ поставилъ себя почтенно и въ дружескомъ кругу, и въ семействѣ, и въ обществѣ. Его прекрасная жизнь какъ литератора, какъ профессора, какъ человѣка, была его личною заслугой. Жизнь и заслуга были для него одно и то же.

Несмотря на то, что къ нравственной грусти присоединяется

еще недугъ тѣлесный, Петръ Николаевичъ замѣтно повеселѣлъ въ 1855 г., когда праздновался столѣтній юбилей существованія Московскаго университета. Въ это время не безъ причины прояснилось, вмѣстѣ съ душою, и его лицо. Почетъ, оказанный въ лицѣ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ наукъ и ученой корпораціи, ободрилъ его: онъ готовъ былъ примириться съ тяжелою памятью прошлаго во имя довѣренности къ будущему. Вслѣдъ за Грановскимъ, выдвигался и онъ явственно на сцену: оба они привлекали къ себѣ вниманіе благомыслящихъ людей, оба становились предметомъ возникавшаго или пробудившагося общественнаго мнѣнія. Имена ихъ ставились одно подлѣ другаго, какъ нераздѣльные по направленію. И когда Грановскій преждевременно сошелъ въ могилу, Петръ Николаевичъ самымъ законнымъ образомъ заступилъ его мѣсто въ университетѣ и въ сердцахъ слушателей. Онъ достойно держалъ кафедру на высотѣ, поставленной покойнымъ профессоромъ—его наставникомъ, товарищемъ и другомъ. Какъ долгъ общественной и личной благодарности, Петръ Николаевичъ взялъ на себя изданіе его сочиненій, написавъ къ нимъ предисловіе и еще прежде того напечатавъ, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, воспоминаніе о Грановскомъ (1). Не беру на себя оцѣнки профессорской дѣятельности Кудрявцева: я мало знакомъ съ нею. Это—дѣло его товарищей по университету и слушателей. Одинъ изъ достойнѣйшихъ учениковъ его, заступившій его мѣсто (С. В. Ешевскій), представилъ уже краткую, но яркую и вѣрную характеристику его чтеній, сравнительно съ чтеніями Грановскаго, въ литературномъ отдѣлѣ *Московскихъ Вѣдомостей* (1858 г. № 9).

Петръ Николаевичъ работалъ энергически и усердно, находя время и для приготовленія лекцій, и для дѣятельнаго участія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Между тѣмъ плохое состояніе его здоровья начинало тревожить всѣхъ друзей его. Онъ и самъ чувствовалъ, что ему нуженъ отдыхъ, безъ котораго не возстановить упавшихъ силъ. Осенью 1856 г. онъ отправился за границу... Мнѣ пришлось прощаться съ нимъ вдвойнѣ — и какъ съ отъѣзжаю-

---

(1) Петръ Николаевичъ предпринялъ было написать полную біографію Грановскаго, собралъ матеріалы, и въ послѣднее пребываніе свое за границей, въ Нерви, близъ Генуи, послѣ понесенной имъ потери, онъ искалъ убѣжища отъ мучительнаго чувства въ этомъ трудѣ. Онъ успѣлъ уже написать двѣ части біографіи: дѣтство и юность Грановскаго, которыя и будутъ напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. *Ред.*

щимъ въ чужіе края, и какъ съ Москвичемъ, потому что черезъ мѣсяцъ по его отъѣздѣ переѣхалъ я на службу въ Петербургъ. Мысленно сопоставлялъ я прежніе, слишкомъ за десять лѣтъ бывшіе проводы, съ настоящею разлукою. Сравненіе оказалось не въ выгоду послѣдней. Я не называю испытаннаго мною чувства предчувствіемъ, но знаю, что оно было печально, безъ твердой увѣренности въ свиданіе, которая тогда и самой горести давала пріятную отраду. Предавшись занятіямъ по новой для меня должности, я слѣдилъ однакожь за путешествіемъ друга, по тѣмъ письмамъ, которыя печатались въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ которыхъ онъ сообщалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, сравнивалъ прежнее состояніе видѣнныхъ имъ предметовъ съ нынѣшнимъ и отмѣчалъ важнѣйшія перемѣны, принесенныя временемъ. Вдругъ эти путевыя письма внезапно оборвались. Я не зналъ, какъ объяснить это. Но объясненіе не замедлило: въ мартѣ 1857 года, во Флоренціи, Петръ Николаевичъ похоронилъ свою супругу.

Не берусь описывать душевнаго его состоянія послѣ такой потери. Пусть судятъ о немъ по двумъ прилагаемымъ здѣсь письмамъ. Первое изъ нихъ служитъ отвѣтомъ на мое письмо, посланное изъ Петербурга въ Геную.

Нерви, 1857, августа 13/25.

Сегодня вечеромъ, когда я возвращался изъ Генуи, наши (1), гуляя, встрѣтили меня еще на дорогѣ, и подали мнѣ письмо адресованное на мое имя. Увидѣвъ незнакомую руку на пакетѣ, я спѣшилъ сорвать печать. Поспѣшность моя не обманула меня: письмо было отъ васъ, любимый другъ. Тогда я вспомнилъ, что, прощаясь со мною въ Москвѣ, вы сказали, что непременно будете писать ко мнѣ за границу.

Итакъ вы сдержали слово. Но, Боже мой, сколько же времени прошло послѣ того, какъ оно было сказано! По крайней мѣрѣ какъ не похожи эти двѣ поры между собою! Цѣлая пропасть легла у меня между тѣмъ временемъ, когда я прощался съ вами въ надеждѣ хоть не скорого, но добраго свиданія, и настоящимъ днемъ, когда я пишу отвѣтъ на ваше письмо. Не помню, какъ я перескочилъ съ того берега на этотъ, но знаю, что возврата мнѣ больше нѣтъ туда. Какъ ни оборачивай я голову назадъ, мнѣ ужъ больше не найти перехода на ту сторону.

Вашъ голосъ послышался мнѣ будто *съ того берега!* Съ вашими письмами ко мнѣ, даже съ самымъ почеркомъ вашей руки у меня соединено столько счастливыхъ, счастливыхъ воспоминаній. И вдругъ опять эта рука и этотъ голосъ—въ такую пору, когда на душѣ нѣтъ ничего кромѣ горести и хоть бы капля свѣта въ головѣ. *Съ того берега!* отчего

(1) Семейство гр. С—ъ (Евгеніи Туръ). А. Г.

не могу и я пойти туда же и попрежнему беззаботно обнять тѣхъ, которые помнятъ и любятъ меня попрежнему?

Какъ страшно можетъ иногда расколоться жизнь: все по одну сторону и ничего по другую! Я все не знаю до сихъ поръ, что это такое—слѣпой случай, или въ самомъ дѣлѣ какое «наказаніе»? И знаете ли, что мнѣ бы казалось было лучше увѣриться въ послѣднемъ. Наказаніе имѣеть хоть какой-нибудь смыслъ, но слѣпой, бессмысленный случай, разрушающій однимъ разомъ все ваше счастье, губящій его въ вашихъ глазахъ съ какою-то злою ироніей и насильственно поворачивающій всю вашу жизнь къ прошедшему—это невыносимо тяжело. Если это неразумная сила, то откуда же въ ней столько разсчитанной жестокости? А если она разумна, то какъ можетъ быть столько жестокою?

Такъ спуталось все у меня въ головѣ, что самое сильное впечатлѣніе, которое остается у меня отъ жизни,—это впечатлѣніе жестокаго обмана. На свою личную жизнь пожаловаться не могу: она и довольно долга теперь уже, и не скажу, чтобъ она была пуста. Вы знаете, любезный другъ, тѣ интересы, которые проходили черезъ нее, потому что большую и можетъ-быть лучшую часть ихъ мы пережили вмѣстѣ. Но мнѣ было послано *счастье*. Говорю послано, потому что я не искалъ его усердно, не гонялся за нимъ—само пришло, будто подосланное къмъ. Ужь подавая ему руку на будущій союзъ, я далеко, далеко не предчувствовала всей цѣны его. Мнѣ почти безъ искательства было послано то, что не всегда дается послѣ многихъ и усильныхъ поисковъ. У меня дома было столько счастья, что меня кажется не испугало бы никакое лишеніе. Я былъ наконецъ можетъ-быть даже слишкомъ самодоволенъ. Мнѣ нечего было искать, потому что около меня было все, все... Прежде чѣмъ я опредѣлилъ себѣ, въ чемъ можетъ состоять мое счастье, оно ужъ было со мною. Да, это было счастье—могу я сказать теперь, лоя все дальше и дальше убѣгающую отъ меня тѣнь его. Еще въ тотъ день, какъ я прощался съ вами въ Москвѣ, оно было со мною все сполна, и я легко подавалъ руку друзьямъ, потому что видѣлъ впереди только свѣтлые и радостные дни. Давно ли кажется это было, а теперь у меня ужъ ничего нѣтъ! Какъ неожиданно создалось мое счастье, такъ быстро, внезапно и насильственно было оно разрушено. И когда же? въ то самое время, какъ я надѣялся наложить на него послѣдній вѣнецъ. Не злобный ли это обманъ, не насмѣшка ли надъ моимъ безсиліемъ какой-то невидимой мнѣ, но ужъ конечно не дружелюбной мнѣ силы? Тамъ, гдѣ я думалъ похоронить много старыхъ заботъ, мнѣ пришлось похоронить лучшее, что я имѣлъ въ жизни и что имѣвшему одинъ разъ не дается больше въ другой. Кто бы подумалъ? Вся эта поѣздка изъ Москвы до Флоренціи, во время которой было положено столько веселаго смѣху, была не что иное, какъ погребальный поѣздъ, направленный къ одной отдаленной могилѣ, о которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ во время дороги!

Пять мѣсяцевъ (ужъ пять мѣсяцевъ тому, тогда какъ прежде мы и одного дня не проводили врознь), которые прошли съ фатальнаго для меня дня, притупили мое горе; но жало его, я чувствую, остается во мнѣ навсегда и отравитъ мнѣ всѣ дни до послѣдняго. Жизнь еще оста-

лась мнѣ, но трудно сказать, на какое употребленіе. Мнѣ всѣ указываютъ на продолженіе прежней дѣятельности: конечно, я не откажусь отъ труда по мѣрѣ силъ моихъ,—но что въ трудѣ есть сладкаго, то я буду знать лишь по воспоминанію. Осталась тяжелая сторона работы, но лучшая награда труда для меня больше не существуетъ. Да не вижу впереди и цѣли. Глухо и пусто впереди. Точно выселился куда-то цѣлый міръ и меня оставилъ одного среди опустѣлаго города. Въ душѣ ношу еще остатокъ чувства, но онъ только давитъ меня, какъ лишнее бремя. Куда дѣвать его, не знаю; развѣ вывѣтрится со временемъ.

А эта бѣдная жизнь, которая оборвалась такъ рано, такъ безвременно. когда, я думалъ, для нея только наступало счастливое время! Еслибъ даже она была мнѣ чужая, было бы надъ чѣмъ пролить самыя искреннія слезы. Но она давно ужъ стала мнѣ больше чѣмъ родная, и на ней-то досталось мнѣ видѣть, до чего безпощадны властвующія надъ нами роковыя силы. Еще прежде, чѣмъ пришла смерть, я ужъ видѣлъ предъ собою жертву, неизмѣнно обреченную року, и не одинъ день терзался моимъ безсиліемъ отвратить или хоть только на время отклонить занесенный надъ нею ударъ. Еслибы въ душѣ и была какая энергія, въ подобныя минуты она истѣваетъ вся безъ остатка, и пережившій ихъ человѣкъ походить на плодъ, изъ котораго выжата послѣдняя капля сока. Нѣтъ, это ужъ хватаетъ черезъ край. Да отвратить отъ всѣхъ насъ судьба подобныя испытанія, хоть и не убивающія до конца, но изнашивающія человѣка до состоянія никуда негодной тряпки.

Вамъ тяжело слушать меня, любезный другъ; но наша старая добрая дружба, хоть и безъ обычнаго «ты», даетъ мнѣ право сказать вамъ то, что лежитъ у меня на душѣ, и не стараться скрыть терпкость чувствъ подъ мягкими словами. Дружескія письма составляютъ для меня теперь лучшую отраду, но нельзя, разумѣется, чтобъ они не затрогивали вновь мою едва подживающую рану. Но я радъ бываю тому. Чѣмъ болѣе затрогиваютъ ее, тѣмъ живѣе переносятъ меня въ мое прошедшее, а вѣдь у меня только и осталось радости что тамъ. Самое больное есть для меня самое здоровое. Ваше письмо особенно привело меня туда, въ тѣ времена, когда мы были такъ беззаботно счастливы, и когда не зачѣмъ было намъ обращаться назадъ, потому что такъ много было впереди. Теперь иное, и контрастъ такъ силенъ, что у меня холодъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда я поставлю то и другое рядомъ. Простите же моей слабости: она и вольная и невольная. Авось придетъ время, когда и мнѣ посланъ будетъ хоть нѣкоторый душевный покой, тогда поговоримъ и о мірскомъ, но теперь я въ состояніи говорить, и именно съ моими лучшими друзьями, лишь объ одномъ и объ одномъ.

Письмо мое конечно найдетъ еще васъ въ Москвѣ (1), но самъ я мало надѣюсь встрѣтиться съ вами. Сбираюсь въ дорогу, но путь мой пойдетъ не прямо на сѣверъ, а сначала поведетъ меня на югъ. Передъ возвращеніемъ на родину ѣду совершить послѣднюю тризну. Впрочемъ я бы не хотѣлъ, чтобъ она была послѣдняя въ строгомъ смыслѣ слова. Я бы хотѣлъ и еще разъ навѣстить тотъ маленькій уголокъ земли, въ ко-

(1) Я жилъ въ Москвѣ, на дачѣ, съ іюня по сентябрь. А. Г.

торомъ сложилъ лучшее, единственное мое богатство. Не забуду сказать поклонъ и отъ всѣхъ знакомыхъ и потомъ погнаться назадъ во себя, но не стаей, какъ летять грачи на зимнія квартиры, а лишь самъ съ собою. Что дѣлать! Растерялъ дорогою всѣхъ спутниковъ: выѣхали мы въ четверомъ, а возвращусь одинъ, да и то едва ли весь. Такимъ побытомъ въ началѣ октября я надѣюсь добраться до дому, котораго у меня нѣтъ.

Затѣмъ, любезный другъ, крѣпко жму вамъ руку и прошу васъ, какъ добраго друга, не забывать меня въ моемъ безысходномъ и безконечномъ горѣ.

Второе письмо, въ отвѣтъ на мое, адресованное въ Дрезденъ, я получилъ уже изъ Москвы, куда Петръ Николаевичъ воротился 2-го октября, на канунѣ смерти Грановскаго. Исключаю изъ него нѣсколькихъ строкъ, касающихся до меня лично.

Москва, 1857, октября 27.

Пишу къ вамъ изъ *нашей* Москвы, но могъ бы начать еще почти съ Дрездена, потому что съ Дрездена я у васъ въ долгу, любезный и всегда дорогой мой другъ. Тамъ получилъ я ваше второе письмо. Оно мнѣ дорого особенно потому, что не содержитъ въ себѣ никакихъ утѣшеній, а смотритъ на дѣло прямо какъ оно есть. Что черно, того нельзя сдѣлать бѣлымъ. Намъ ли еще хотѣтъ обманывать себя? Дѣти ли мы, чтобы закрывать себѣ глаза на наши прирожденные немощи и на законы надъ нами господствующіе? Испытавши на дѣлѣ ихъ неумолимость, опять ли тѣшить себя розовыми теоріями и на воздухѣ построенными мечтами? Да если бы и хотѣлъ я, такъ не хватило бы у меня силъ для размаха. Чувствую, испытываю каждый день, что крылья подкошены у меня навсегда. Поденьщикомъ быть могу, на это пока хватаетъ меня; но еще не нашелъ работы, которую бы могъ дѣлать безъ апатіи. Какіе страшные слѣды оставляетъ по себѣ пережитое! Изъ Дрездена кое-какъ добрался сначала до Петербурга, больной, разбитый физически и нравственно, хотѣлось обнять васъ; но я не рѣшился явиться къ вамъ лично, особенно сюрпризомъ, зная ваши домашнія обстоятельства (1) и имѣя причины думать, что мое появленіе, особенно на первый разъ послѣ долгаго отсутствія, не можетъ доставить много удовольствія моимъ добрымъ друзьямъ и знакомымъ. Между тѣмъ непреодолимою силою тянуло меня *домой*; можетъ быть въ первый разъ въ жизни испыталъ я то, что Нѣмцы такъ хорошо называютъ *Heimweh*... Домой, домой—это было мое самое сильное и единственное желаніе. Наконецъ добрался я и до Москвы, и повѣрите ли? былъ счастливъ нѣсколько дней, и отъ того, что въ самомъ дѣлѣ сверхъ чаянія очутился дома, т.-е. нашелъ свой теплый уголь, совсѣмъ приготовленный для меня, даже съ самоваромъ на столѣ, и оттого, что куда ни обращался, вездѣ встрѣчалъ столько добраго, искренняго, душевнаго, хотя вовсе незаслуженнаго мною со-

(1) Болѣзнь моей жены. А. Г.

чувствія. Эта пустота, которая недавно образовалась около меня, какъ будто наполнилась, замѣстилась на время. Сверхъ ожиданія я очутился въ какомъ-то идиллическомъ расположеніи духа; я какъ будто нашелъ какой-то призракъ счастья, въ которое было потерялъ всякую вѣру.

Глупости! ребячество! Мнѣ было хорошо, потому что я нашелъ то, что одно остается послѣ утраченного счастья: тихій домашній покой, который временемъ разнообразится только дружескою бесѣдою. Теперь ужь я больше не обманывалъ себя, и знаю цѣну своего мнимаго счастья. Чувство, что моего добраго генія нѣтъ со мною, скоро опять возвратилось ко мнѣ, и мнѣ никогда больше не отогнать его отъ себя. Не достаетъ мнѣ кажется не многого, но чувство этого недостатка преслѣдуетъ меня вездѣ и во всемъ. По счастью, не обманулся я въ одномъ: у меня нашлась или, лучше сказать, ко мнѣ возвратилась знакомая дѣятельность и наполнила по крайней мѣрѣ половину моихъ часовъ въ недѣлю. Хоть и по звонку, т. е. по внѣшнему побужденію, а все же въ это время бываешь занятъ другою мыслию. Впрочемъ грѣхъ сказать, чтобы не было и другихъ, лучшихъ побужденій. Я располагался вести дѣла почти по казенному, но встрѣтилъ въ студентахъ столько живаго и зрѣлаго интереса, что и самъ не устоялъ противъ него. Да, наши студенты созрѣли и возмужали, подогрѣваютъ и насъ. Съ нѣкотораго времени въ нихъ живетъ прекрасный духъ.

Я обрадовался тону этого письма, болѣе спокойнаго чѣмъ первое, хотя и зналъ, что время, этотъ великій цѣлитель горестей, какъ обыкновенно называютъ его, не исцѣлитъ душевной боли Петра Николаевича. Не такой онъ былъ человекъ, не такова была и потеря его. Онъ, говоря его же словами, «похоронилъ то, что имѣвшему одинъ разъ не дается уже въ другой». Время здѣсь бессильно и никто не придумаетъ, что въ этомъ случаѣ можетъ быть достаточно сильно. Трагическая судьба существуетъ только для тѣхъ, которые, по самому избранію души своей, способны чувствовать «безысходное и безконечное» горе. Другіе не поддадутся ей такъ удобно, они, по смерти жены своей, могутъ жениться и еще разъ жениться. Несмотря на это, я надѣялся на какое-нибудь возстановленіе силъ Петра Николаевича. Надежда моя укрѣпилась отрадными извѣстіями, которыя Москвичи привозили съ собою въ Петербургъ. Они говорили, что Петръ Николаевичъ бодрѣе, чѣмъ они ожидали, и въ доказательство его бодрости разказывали, какъ добрый признакъ, что онъ даже, не смутясь, выдержалъ наивный вопросъ маленькой дочери Е. Θ. К-а: «а что ты забылъ тетю Варю?»—Но вскорѣ утѣшительные слухи замѣнились другими, зловѣщими. Письмо ко мнѣ сестры Петра Николаевича (отъ 14 января) не оставило болѣе никакого сомнѣнія насчетъ качества этихъ слуховъ. Наконецъ телеграфическою депешою — самую траурною, какая

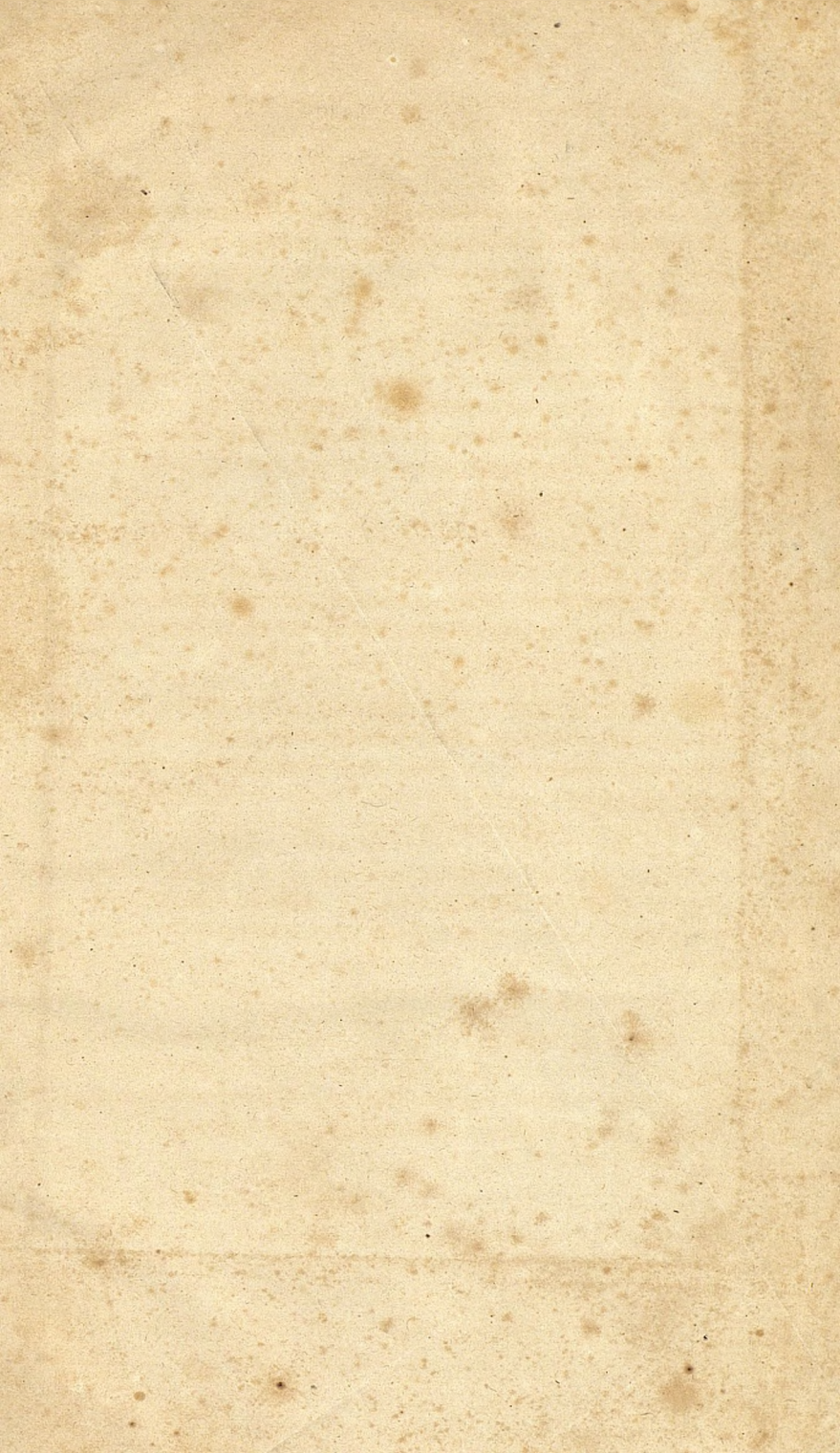
когда-либо существовала, дано мнѣ было знать, что Кудрявцевъ скончался 18 января.

Миръ праху твоему, глубоко-нравственный, вполне чистый человекъ,—человекъ безъ пятна и упрека! Драгоценный даръ выпалъ на твою долю: при жизни быть живымъ примѣромъ прекраснаго, по смерти остаться не умирающимъ преданіемъ о прекрасномъ. Всѣ, отдавшіе тебѣ послѣднее цѣлованіе, цѣловали въ тебѣ завѣтъ и память всего, что только есть праведнаго въ нашемъ мірѣ.

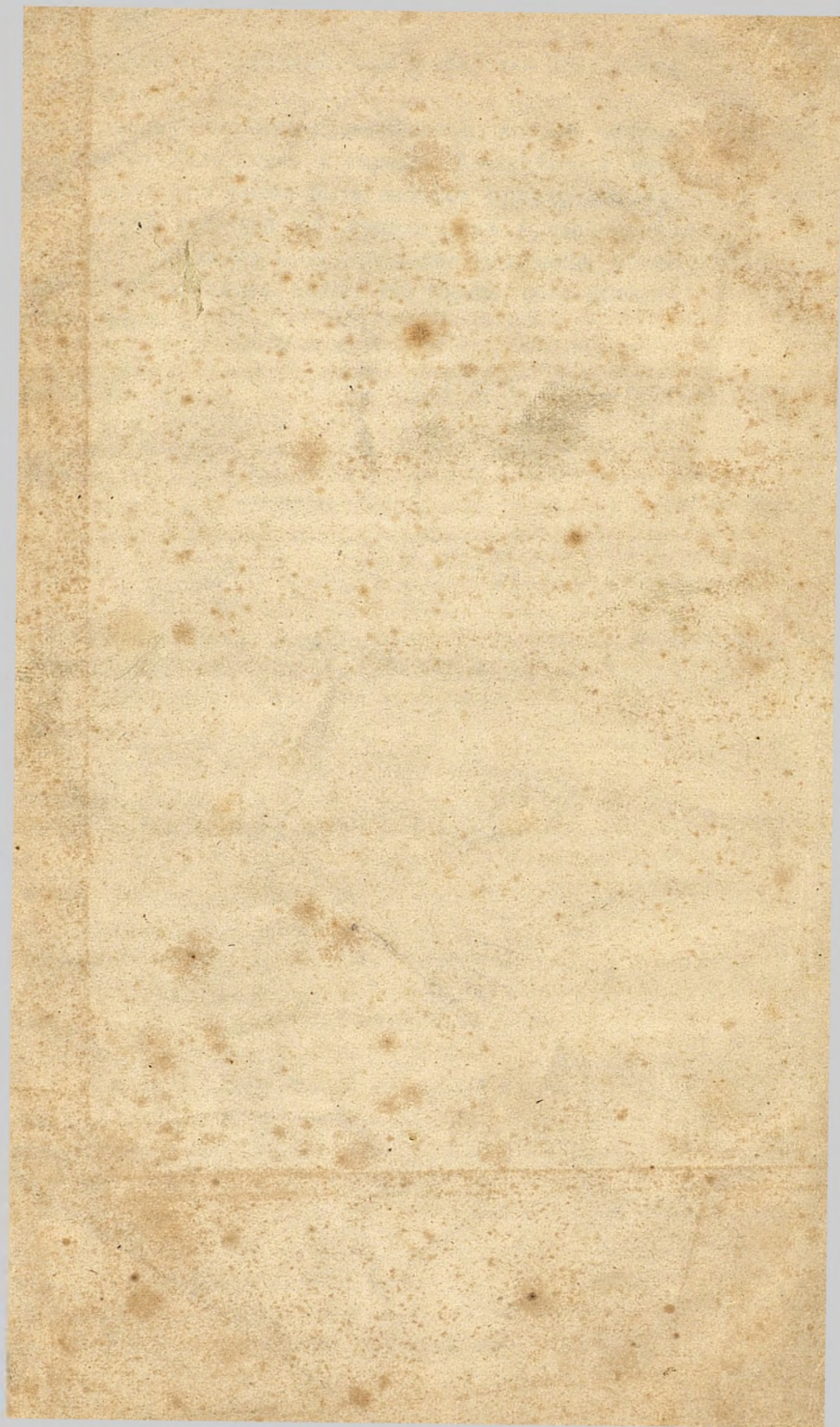
1858 февраля 1-го
С.—Петербургъ.

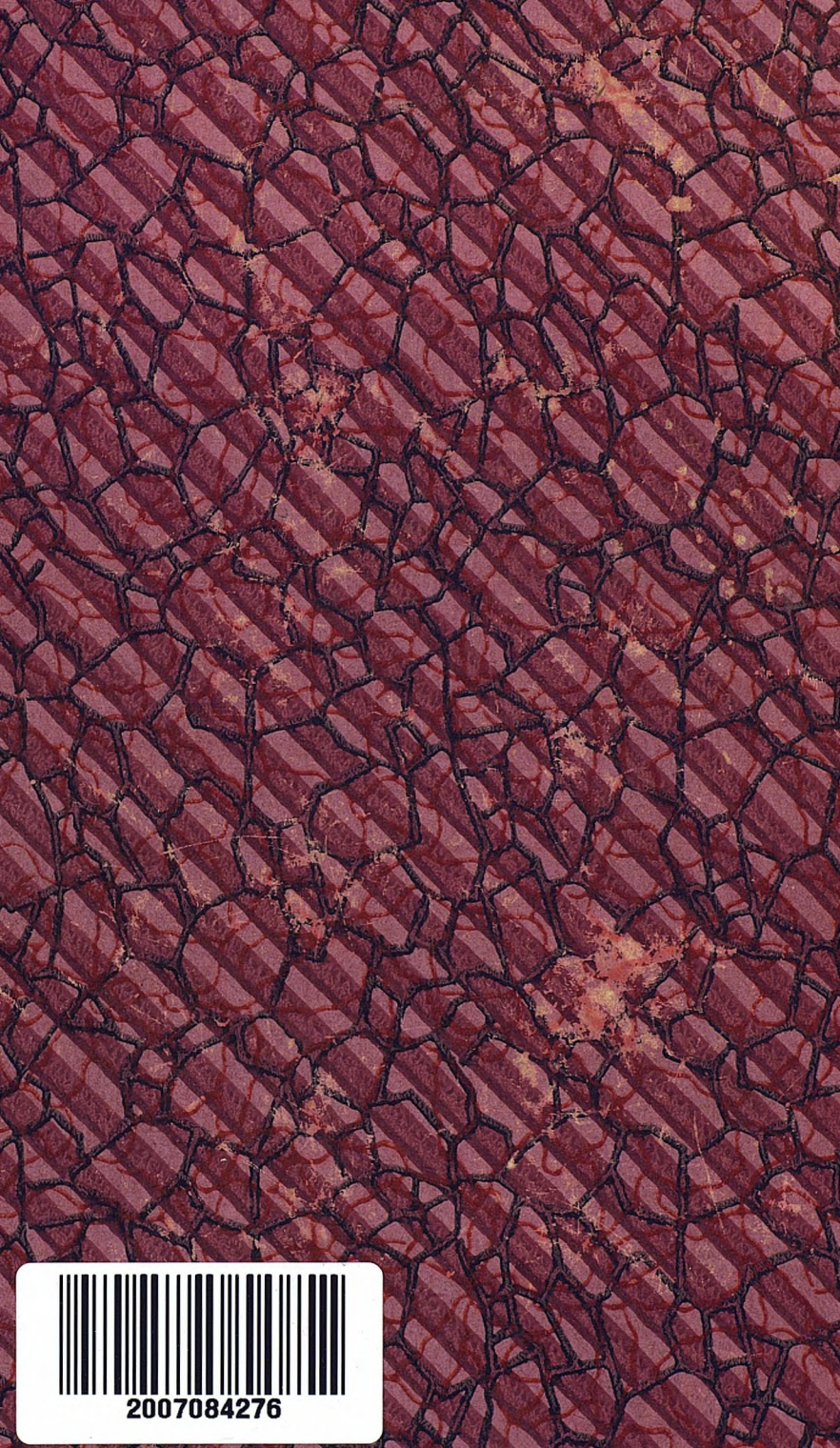

2007084276